

ОЛЬГА ФАДЕЕВА

ФРОСЯ - ЕЛЬ ОБЫКНОВЕННАЯ

Речь

Когда из маленького лесного городка улетел последний осенний лист, когда маленький лесной городок припушило первым снегом — всё изменилось.

То ли оттого, что всё вокруг стало белым, то ли оттого, что Заяц просто устал ждать, внутри у него затрепетало радостное «Пора!».

— Пора! — Он посмотрел на календарь.

До заветного числа, обведённого в кружок, оставалась ещё пара дней. Нет, так долго он ждать не может!

— Начинаю сегодня!

Заяц в радостном предвкушении забегал по дому. Потирая лапки от удовольствия, он достал огромную коробку с чердака и вытащил из-под кровати два туго набитых свёртка и внушительный чемодан. Потом, пританцовывая на табуретке, снял корзину с верхней полки и выкопал из недр шкафа большой мешок. Ещё несколько корзин, коробочек, кулёчков и пакетов насобирал по всему дому.

— Мало! Ох, как мало! — пробормотал он, осматривая своё богатство, пока ещё скрытое от чужих глаз.

Из некоторых пакетов и свёртков уже начали пробиваться ростки предстоящей радости: то ленточка, то звёздочка, то змейка серпантина.

Заяц замер на мгновение, а потом с радостным «Уи-и-и-и!» принялся развязывать, распаковывать — доставать сокровища.

— Очень мало, катастрофически мало... — приговаривал он.

Чего там только не было!

Он разглаживал лапой бумажные снежинки, распутывал гирлянды, наугад вытягивал из ящика с кудрявой стружкой стеклянные шишки, колокольчики, домики, фонарики, звёзды и ёлочки, приветствуя их, как старых знакомых. Заяц сдувал с них пыль и улыбался.

Он бережно освобождал от прошлогодних новостей сверкающие стеклянные шары.

На дне коробок обнаруживались поблёкшие конфетти и седые прошлогодние хвоинки. Заяц рассматривал их, вспоминал прошлогодний праздник и улыбался.

К вечеру Заяц не разобрал и половины коробок, а ведь он даже не обедал. Ко всему прочему, Заяц никак не мог найти звезду на ёлочную макушку, которая так нравилась прошлогодней ёлке. Добрая половина флажков никуда не годилась: разноцветные треугольники оказались полинявшими — видимо, из-за протекающей крыши. Носки для подарков кое-где поела моль, краска с деревянных подвесок стёрлась, а к свёртку с серпантинном было страшно подойти — распутывать его предстоит не один день. Заяц почувствовал надвигающуюся катастрофу и тревожно зашевелил ушами:

«Как всё успеть?..»

Когда из маленького лесного городка улетел последний осенний лист, когда маленький лесной городок припушило первым снегом — всё изменилось.

— Начинается, — проворчал Енот.

Он достал широкую лопату, чтобы расчищать снег перед домом. Он поставил у входа веник, чтобы обметать заснеженные лапы. Он притащил из сарая огромную охапку дров, хотя в доме было лишь немного свежо, а вовсе не прохладно, не очень холодно или жутко морозно. В последних случаях он брал две, три или даже четыре охапки.

Над лесным городком потянулся первый за эту зиму ручеек дыма.

«Все мёрзнут — дрова экономят. Но у меня-то дров с запасом», — довольно подумал Енот.

Все щели у него были законопачены, шерстяные одеяла просушены на летнем солнце, а в кладовой рядком зеленели банки с солёными огурцами: по одной на каждую зимнюю неделю.

Енот оторвал листочек календаря.

— Всё-таки рано, — покачал он головой.

Листочек он сунул на растопку, к тем, что накопились за год.

Теперь у него было всё под контролем. И всё было по полочкам. И всё было в порядке.

Всё было в порядке, пока Енот не решил сходить в город.

— Начинается... — недовольно проворчал он и нахмурился. — В прошлом году уже праздновали, и в позапрошлом тоже, сколько можно? За год ничуть не поумнели. Могли бы в этом году не отмечать, для разнообразия.

Енот напрямик направился к газетному киоску. По городу без дела он не болтался, не то что некоторые. Он приходил за газетой, в пекарню да изредка на почту, отправить письмо бабушке.

— А, здорово! — махнул ему Барсук из своего киоска, сунул в лапы газету и продолжил заниматься делами.

Зачем?
Какой в этом
смысл?

Обычно он спрашивал у Енота что-то вроде: «Что сегодня брать будешь: „Лесовости“ или „ИзЛестия“?» Енот отвечал, что «конечно, „Лесовости“», потому как в «ИзЛестиях» были сплошные сплетни и ничего стоящего. А сегодня Барсуку, видите ли, и поболтать некогда!

Но чем же он был так занят? Расставлял в витрине открытки! Новогодние! Енот обиженно фыркнул: и Барсук с ними заодно! Просто фу, да и только!

С каждой вылазкой в город Енот краем глаза замечал вокруг всё больше и больше новогодних украшений. Он старался не смотреть по сторонам, но они так и лезли в глаза.

Лампочки гирлянд светятся и днём и ночью. Зачем? Днём их не видно, а ночью и смотреть некому. Повсюду лохматая фольга да кудрявые бумажные полоски. Зачем? Только мусорят зря. Ерунду всякую повесили, а снимать кто будет? Только деньги впустую тратят. Они бы лучше яблоки по осени с таким энтузиазмом сушили!

В пекарне теперь что? Не пекарня, а рисовальня. Сидят, печенье раскрашивают. Они что, думают, с узорами сытней? Да ладно печенье, наешься им разве? Лучше бы супу сварили.

Еноту нравилось думать, что зимой достаточно полной кладовой и туго набитого дровяного сарая, чтобы чувствовать себя хорошо. Это было его время, уверенное, сытое, тёплое. Ведь чем лучше ты потрудишься летом, тем спокойнее пережить монотонную зиму. Именно в это время Енот задумывался: а не избраться ли ему главой городского совета? Уж тогда бы он всех научил уму-разуму. Навёл бы порядок, а то куда ни глянь, везде суета и мельтешение. А виной всему — длинноухий. В пекарне помогает — он. Вокруг ёлки на площади крутится — тоже он. И на почте торчит, и вокруг киоска околачивается, и всё тащит и тащит свои украшения, одно другого бесполезнее. А у самого небось от сквозняков в кладовой уши трепыхаются.

— Уши длинные — ум короткий... — как бы между делом бросил Енот Сове-почтальону.

— А? — не поняла та. — Да, день теперь короткий. Почты перед праздником невпроворот, спасибо Зайцу, помогает.

Зайцу нужно было успеть очень многое. Каждый год он украшал весь лесной городок.

Он перебирался через холмы и пригорки, осматривая владения, которыми будет заведовать в ближайшее время. Это были его и только его дни. Никто лучше Зайца не разбирался в празднике. Он знал Новый год, как лучшего друга, который приезжал в гости раз в год и встретить которого нужно было по всем правилам. Заяц знал, как лучше закрепить гирлянду, чтобы её не унесло ветром и птицами, где водить хоровод, как завернуть подарки и как их потом развернуть, как нарядить главную городскую ёлку и как — все остальные.

Он знал множество способов, как смастерить ёлочные игрушки, а за целый год обязательно придумывал ещё десяток новых. У него не было ни одной свободной минуты и ни одной свободной лапы — всем перед праздником требовалась помощь. Того, кто устал, нужно было подбодрить, того, кто ленился, — вдохновить. И чем больше было новогодней работы, тем Зайцу становилось радостнее.

— Гирлянду из шишек повесим на почте, а флажки — в пекарне. Тебе, Шиша, в этом году мишура, — ласково

приговаривал Заяц, украшая пышную ёлку у ручья. — А тебе, Зося, — серпантин, — пожал он лапу молоденькой ёлочке на пригорке.

Всем ёлкам в лесу Заяц давал имена. А как иначе, ведь они — главное украшение на празднике. Он всех знал, всех примечал. И огромную ель с великанскими лапами, под которыми не бывало и снежинки, и стройную ёлочку, и пышную, и тощую, и старую, и юную, и с ветками вниз, и с ветками вверх, и с россыпью шишек на верхушке, и с двумя макушками.

— Ой, а ты кто, новенькая? — Заяц поднял маленькую еловую веточку.

Он аккуратно воткнул её в сугроб и украсил крошечной красной звёздочкой.

— Ты будешь Фросей!

— Спасибо! — кивнула та в ответ и довольно расправила иголки.

Теперь она походила на все соседние ёлки — у неё было имя и собственная звезда на макушке.

— Больше ёлок — больше праздника — больше волшебства, — улыбнулся Заяц и поспешил дальше. — Столько дел, столько дел!

Только одно беспокоило его в это чудесное время — Енот. Он смотрел на ёлки недобро, пилительно, а на Зайца ещё хуже. Даже страшно представить, что он бормотал себе под нос.

Всё радостное настроение, которое Заяц так тщательно копил весь год и теперь щедро дарил всем вокруг, было под угрозой.

— Как же так? — не понимал он. — Даже если Енот кислый целый год, то праздник просто обязан его изменить. А может, он именно к празднику закисает? И от этого нам всем несладко...

— Я боюсь! — сказал Заяц Лисёнычу, когда они расписывали в пекарне очередную порцию имбирного печенья.

У Зайца получалось неважно. Лапы дрожали, и узоры выходили кривые.

— Боишься, что у тебя плохо получится? — предположил Лисёныч. — Или что мы ничего не успеем? Что флажки порвутся? Что останемся без подарков?

— Да погоди ты...

— Что мы всё подготовим, а Новый год не придёт? Что он придёт, а мы ничего не подготовим?

— Я боюсь Енота! Знаешь, как он смотрел на меня, когда я вешал гирлянды на ёлки? Бр-р-р... У меня из-под лап чуть лестница не выскочила.

— Может, он просто не знает про Новый год? — предположила Сова.

— Как можно не знать? — удивился Заяц и обвёл глазами бесчисленные охапки мишуры.

— Он всегда был такой, — махнула лапой Белка. — Но чем дальше, тем хуже. Говорит, что в празднике нет никакого проку.

— По-моему, в празднике очень много проку, — сказал Лисёныч, запихивая в рот десятое имбирное печенье.

— У Енота нет новогоднего настроения, — заявила Сова.

— Нашего настроения и на него хватит, — с уверенностью сказал Лисёныч.

— Да-да, нужно настроить его как следует! — пробормотал Лис, крутя своё радио.

— Может, нарядить ему дом? Ведь для праздничного настроения украшения — самое главное, — предложил Заяц.

Он продолжал украшать всё вокруг. Как раз сегодня он принёс целую коробку деревянных игрушек, расписанных белыми узорами, точь в точь, как имбирные печенья. И поставил её на прилавок.

— Правда, как настоящие? — похвастался он Белке. — Повешу их в витрине пекарни.

— Очень настоящие! — похвалила она. — Если уж ты украшения делаешь в виде сладостей, значит, сладости — вот, что самое главное в празднике!

— Угощения — это хорошо, но настроение создаёт музыка, — вставил Лис, не переставая мурлыкать себе под нос.

— Нет-нет, — замотала головой Сова. — Самое лучшее — это хороводы. И музыка, и печенье могут быть каждый день, а хороводы только на праздник.

— А по-моему, лучше всего делать сюрпризы, ходить в гости и дарить друг другу подарки, — сказал Лисёныч, — особенно мне.

— Енот никогда не покупает моё печенье, — задумчиво проговорила Белка. — Он, наверное, один суп ест, поэтому и такой насупленный. Ну что ж! От моих сладостей он точно подбодрится, — повеселела она, — и скоро вы в этом убедитесь.

И она положила в коробку несколько свежих и хрустящих печений.

Долго ждать не пришлось. Дверь скрипнула как-то особенно противно, и на пороге появился Енот. Бровастый и мрачный.

— Ржаного... половину... — буркнул он.

Батоны в печи слегка осели.

— Дорогой Енот, — медово-ванильным голосом пропела Белка. — Немного имбирного печенья в такой холод никому не помешает.

— Мне только хлеб.

— Это бесплатно. Я угощаю, ведь скоро Новый год.

— Тогда беру.

— От имбирных печений во рту становится горячо, а на душе тепло.

— Хм, — усмехнулся Енот. — Это, что ли, как пить чай в свитере? — Не поблагодарив, он взял коробку с прилавка и вышел.

— Дело сделано! Вы больше никогда не увидите прежнего Енота, теперь он будет другим, — заулыбалась Белка и гордо оглядела всех вокруг.

Через мгновение Енот ворвался в пекарню — и правда совсем другой.

— Шутить надо мной вздумали? — взревел он. — Деревяшки подкладываете? Вот значит, от чего у вас на душе тепло, от глупых выходок?!

Заяц с ужасом увидел, что в лапах у Енота коробка не с Белкиным печеньем, а с его деревянными игрушками. Он нырнул под стол.

— Это случайно, мы не нарочно, — пролепетал он.

— Я так и знал, что это твоя затея, длинноухий. Ну берегись, будет тебе горячо!

— Мы не... Изви... Честно... Не хоте... Так получи... — лепетала пекарня.

Енот вылетел вон, и дверь за ним хлопнула как следует. На какое-то время воцарилось молчание. Было слышно, как с кексов осыпается сахарная пудра и как жалобно вздыхает подходившее тесто.

— Хоровод вокруг ёлки всё исправит, — наконец сказала Сова. — Когда все держатся за лапы, радость передаётся по кругу и крутится, крутится, а потом улетает в небо, и весь мир становится добрей. А уж как будет всем горячо!

— Про горячо лучше не надо, — заметил Заяц.

На следующий день, ещё издали заметив Енота, Сова громко ухнула. Это был знак. Жители городка, немного робея, собрались на площади вокруг главной ёлки.

— Мы тут хороводом угощаем... и никаких деревяшек, — сказала Сова Еноту, когда тот подошёл поближе.

— Хороводом? — фыркнув в усы, переспросил Енот. — Какой смысл в ходьбе по кругу? Всё равно вернёшься на то же самое место. — А про себя подумал: «У них у всех странное желание делать бессмысленные вещи. Вдруг это заразно?», — и он поскорее сунул нос в шарф.

Пока Енот был занят своими рассуждениями, Сова схватила его за левую лапу, а Белка — за правую, и... Все закружились в хороводе! Сначала они пошли в одну сторону, потом в другую, потом снова в одну. А вокруг в собственном хороводе закружились ёлка, пекарня, почта и сосны на краю площади.

«Точно, это заразно», — промелькнуло в голове у Енота. В глазах у него потемнело, земля накренилась, а его всё продолжали тянуть за лапы.

Енот запнулся и упал. На него налетела Белка, и стройный хоровод сложился в нестройную кучу.

— Ура! — сверху с разбега плюхнулся Лисёныч, который шёл последним.

— Налетай! — булькнула Сова и приземлилась на вер-хушку.

Тому, кто оказался внизу, было тепло, а тому, кто на-верху, — весело.

Куча мала зашевелилась, словно вулкан, и из неё изверг-ся Енот. Перед глазами у него всё плыло, язык заплетался. Покачиваясь, он побрёл к своему дому, бормоча на ходу ругательства.

Когда все нахохотались, отряхнулись, поправили хвосты, вернули на место уши и варежки, Енота и след простыл.

— Как думаете, ему понравилось? — спросил Лисёныч. — Мне так очень!

Лис покачал головой:

— Я же говорил, что важнее всего музыка. Лучше попро-буем включить новогодние песни. Пусть играют и на пло-щади, и на почте, и в пекарне, и в лесу, — глядишь, Енот у нас сам в пляс пойдёт.

— Ни тишины, ни спокойствия, — буркнул Енот, когда на следующий день пришёл в киоск за очередным выпу-ском газеты. — В глазах рябит, в ушах шумит. Навключали тут песенки! Какой в них толк? Лучше бы новости слушали и прогноз погоды.

И он в очередной раз подумал, в каком правильном ме-сте поселился, подальше от всех. Он представил спокойную тишину своего дома, нарушаемую только утренними ново-стями, потрескиванием поленьев в печи и смачным «чпок», когда он открывает очередную баночку солёных огурцов.

Енот миновал центральную площадь.

Стоит обогнуть густой непроницаемый ельник, и больше ни один звук с площади его не догонит. Но то ли ёлки по-редели, то ли звук был слишком громкий, но музыка всё не стихала. Песня забиралась в уши, в петельки шарфа, между шерстинками, и продолжала звучать. Енот в несколько

прыжков добежал до своего дома и быстро-быстро захлопнул за собой дверь. Чуть хвост не прищемил, но музыка успела забраться домой раньше него.

Она была повсюду.

Музыкой потрескивали дрова в печи, музыкой хрустел огурец и булькал суп, слова в газете тоже пели и подплясывали.

— Р-р-р-р! — попытался заглушить Енот приставучие звуки. Но ничего не получалось!

Он бросился в лес. Музыка становилась всё громче и громче. Слова были надоедливые и глупые: «...Украсим ель высокую от пяток до небес, танцуй и улыбайся — пришла пора чудес...»

— Ёлки не украшать нужно, а на дрова рубить, а лучше не ёлки, а берёзы, от берёзовых дров жару больше, — пробормотал Енот.

Не на шутку разъярившись, он кружил между деревьев в поисках того, кто издавал эти чудовищные звуки.

«Наверняка длинноухий...»

Но поблизости никого не было.

«Не дерево же поёт, в самом деле?» — Енот со всей силой пнул самую громкую сосну.

— Бум! — с ветки на голову ему плюхнулось радио.

Енот осел в сугроб.

— «...Танцуй и улыбайся...» — медленно пропело радио в ответ и смолкло.

Енот схватил его и швырнул в сторону городской площади.

— Наверное, попалась музыка не в его вкусе, — пожал плечами Лис, когда поймал своё радио.

— Я же говорил, что самое главное — это украшения! Без них ни музыка, ни сладости не помогут, — вздохнул Заяц.

— А я считаю, что главное — это сюрпризы и подарки, но меня никто не слушает, потому что я маленький, — надулся Лисёныч.

— Я знаю, что если подарю Белке, например, чашку, а Барсуку блокнот, они обрадуются. А что обрадует Енота? Дрова и огурцы? Но у меня нет ни того ни другого. К тому же я даже близко к нему подойти боюсь.

— Тогда сделаем ему сюрприз! — затараторил Лисёныч. — Сюрприз можно сделать на расстоянии!

— Что-то подсказывает мне, что сюрпризы он вряд ли любит, — заметил Лис.

— Разве может быть что-то чудеснее сюрприза? — настаивал Лисёныч. — Когда вокруг всё серое, а потом — ах! — расцветает яркими красками!

— Ладно, — подумав, согласился Заяц, — у меня есть пара идей.

Енот проснулся и выглянул в окно.

— А! Воры! — завопил он.

Весь новенький снег, который выпал вчера, был нагло истоптан следами.

— Мои дрова украли! — продолжая вопить, Енот выскочил во двор и бросился к сараю. Но сарай был не потревожен. На дверях как ни в чём не бывало висел пузатый замок.

Но Енота это ничуть не успокоило — он был уверен, что у него что-то украли.

Две пары следов перед домом вились и переплетались, складываясь в причудливые узоры.

— Ага! Запутать меня хотели. Ничего у вас не выйдет! — погрозил Енот невидимым похитителям на все четыре стороны. — Ну держитесь у меня, длинноухие! — и он кинулся по следу.

Следы перестали юлить и вывели Енота на городскую площадь. Там они стали теряться и путаться с другими, но Енот был уверен, что ещё немного и схватит злоумышленника. Он бежал, не поднимая головы, всматриваясь в снег. Наконец следы стали чёткими и свежими, пока... не закончились чьими-то лапами.

— Ага! Попался! — завопил Енот и схватил незнакомца.

— Спасите, грабят! — взвизгнула Бабушка Росомаха и огрела Енота только что купленным хрустящим багетом.

Енот пробормотал извинения и попятился. Какой позор! Бабушка Росомаха была старейшей и уважаемой жительницей города, а он сам, с крошками на голове, вряд ли станет главой городского совета.

Вдруг он замер на месте.

На городской ёлке висели банки с солёными огурцами! С его солёными огурцами! В том, что они были его собственные, Енот не сомневался: во всём городе не нашлось бы столько прекрасных аккуратных банок.

— Так вот что украли воры! Охотники за огурцами! У-у-у! — взревел Енот. — Мои огурчики!

— Нравится? — робко спросил откуда ни возьмись взявшийся Заяц.

— Твоих лап дело? — накинулся на него Енот. — Мои солёненькие — да на ёлку? Ну берегись!

— Они не солёные... — стал оправдываться Заяц.

— Что значит не солёные? Сладкие, что ли? Уж я знаю, сколько соли в огурцы класть!

— Кар-картонные, ненастоящие, — лепетал Заяц, отступая назад.

Енот ринулся к ёлке и тут только разглядел, что огурцы и вправду были нарисованные.

— У-у-у! — снова взревел он.

Ему хотелось схватить и Зайца, и ёлку и трясти их до тех пор, пока с них не облетят все глупости.

Всю дорогу до своего дома Енот выплёскивал раздражение направо и налево. Досталось и старой берёзе на повороте, и мосту через речку, и сорокам, и ельнику. А уж как досталось одинокой шишке на дороге!

— Зачем вешать на ёлку огурцы? — бурчал он себе под нос. — Сами небось ни одной банки летом не засолили. Какой прок от нарисованных? Зачем вообще вешать что-то на деревья? С деревьев собирать нужно яблоки да орехи, а ёлки на дрова пилить. Тьфу! Бездельники. Снег мой истоптали... Деревяшками хотели накормить... В кучу завалили... Песенки с утра до вечера... Всё заячьи проделки.

Из сугроба торчала еловая веточка с маленькой звёздочкой.

— И здесь намусорили! — Енот сердито пнул её.

Веточка подскочила, перевернулась в воздухе и бодро воткнулась в следующий сугроб. Енот снова пнул её, а она перескочила дальше.

— Ладно, нечего добру пропадать, — буркнул он. — Возьму на растопку.

Дома он бросил веточку к печке и напрямик отправился в кладовую. Нужно было убедиться, что его драгоценные припасы на месте.

Стоило ему взглянуть на банки с соленьями, золотые луковые косы и полные ящики овощей, как настроение его немного улучшилось. А вид вяленой рыбы придал ещё больше спокойствия.

Енот прихватил к ужину солёных огурчиков. Увесистая новенькая банка приятно холодила лапы и аппетитно булькала зелёненькими.

На всякий случай он навестил и дрова в сарае. Дрова выглядели сухими, а сарай — набитым до потолка.

— Вместе мы сила!

«Когда в запасе есть дрова и огурцы, то всё нормально. И всё будет по-прежнему», — подумал Енот.

Но он ошибался.

«Сырая. Гореть не будет», — подумал Енот, заметив у печки еловую веточку с маленькой звёздочкой.

Он поднял её.

Хвойный аромат дерзко защекотал ему ноздри.

— Зелено! — глубоко вдохнул Енот.

Он плеснул в банку воды и сунул туда маленькую ёлку.

Фрося, а это была она, оживилась, огляделась и распушила иголки.

До неё дотянулся рыжий закатный луч, и Фрося ещё больше приосанилась, заблестела красной звёздочкой. По комнате заплясали солнечные блики.

Енот тоже приосанился:

— А ничего!

На следующий день Енот передвигал Фросю вслед за солнечным лучом. Её звёздочка притягивала и умножала солнечных зайчиков. Они разбегались по всему дому.

Так прошло несколько дней.

Фрося из всех сил сияла, зеленела и даже как будто подросла. И Енот, входя в дом после утренней пробежки, первым делом смотрел на неё. И даже хотел угостить ёлку огуречным рассолом, но вовремя сообразил, что не все любят его так же сильно, как он. Поэтому каждое утро он добавлял в банку горсть чистого снега, обеспечивая маленькую ёлку свежей холодной водой на целый день.

Вообще-то он не заводил лишних вещей, особенно тех, от которых нет проку. Какой прок от ёлки в банке? Но с другой стороны, есть она не просит, не шумит, а значит — компания подходящая. В конце концов, ёлка вполне могла быть родственницей огурцам — ведь она такая же зелёная и колючая.

А потом солнце зарылось в тучи и больше не показывалось. Дни стали тусклыми и тягучими. Фрося загрустила. Её звёздочка уже не сияла, как раньше.

«Чего-то не хватает», — подумалось Еноту.

Но чего могло не хватать, если он точно знал, что и дров в сарае, и огурцов в банках у него с избытком. Подсолнухи,

конечно, не уродились в этом году, и семечек на всю зиму не хватит, но в остальном всё было как обычно, всё было в порядке.

Фрося совсем поникла и даже обронила пару иголок.

— Мусорить у меня не разрешаю, — с нарочитой строгостью сказал Енот, а сам тяжело вздохнул.

Серая пустота навалилась и на него. Она пригнала в дом скуку и промозглость.

И сколько бы раз Енот ни ходил в кладовую любоваться на свои запасы, это не помогало. И сколько бы раз он ни пытался разогнать пустоту, размахивая топором над берёзовой чуркой, это не помогало. Из-под топора сыпались поленья, но серая тоска оставалась на месте. Газета, считавшая себя свежей, не радовала свежими новостями. Рассольник по новому рецепту вышел пресным, и после обеда Енот чувствовал себя не солоно хлебавши. Одна надежда была на снег. Вдруг завтра его навалит так много, что можно будет уйти в него с головой. Расчищать, расчищать с утра и до седьмого пота. Но прогноз погоды снегопада не обещал.

— Обычно у меня здесь уютнее, — сказал он Фросе, как бы немного извиняясь.

— Сомневаюсь, — пискнула Фрося и скептически поёжилась.

Енот удивлённо поднял брови.

Потом он вздохнул и задумался.

Потом вздохнул ещё раз, а затем совершил странный поступок. Он зажёл днём лампочку, хотя это было ужас как расточительно. А смысла совсем не имело, потому как у природы в это время должен работать свой осветительный прибор.

А на следующий день он и вовсе сделал что-то невероятное: взял несколько рыжих морковок и десяток золотистых луковиц, обмотал бечёвкой и прицепил у буфета.

«Глупость несусветная», — мелькнуло у него в голове, но Фрося тут же нашла этому логичное объяснение: «В следующий раз, когда будешь варить суп, тебе не придётся спускаться в кладовую, всё будет под рукой».

Еноту объяснение понравилось:

— Молодец я! Сразу двух зайцев убил.

Мысль про зайцев Енота взбодрила. Он оживился и задумчиво огляделся.

Дальше — больше. Енот взял пёстрые носки, которые связала ему бабушка, но которые он считал слишком легкомысленными для приличного зверя и совсем не носил. В конце концов, держать лапы в тепле можно менее экстравагантным способом. Он добавил к ним одинокие носки, которые отбились от своих пар много лет назад, и повесил их вместе над печкой. Красиво получилось или нет, он не знал, но говорят, иногда полезно проветривать старые вещи.

— Ух, — выдохнул он, довольный своей сообразительностью.

Фрося просияла. Ей нравились перемены вокруг. Теперь она перемигивалась с луковичными головками и перешучивалась с пёстрыми носками.

Енот улыбнулся:

— Что-то в этом есть...

Что-то в этом было — но чего-то и не хватало.

— Ещё бы чего добавить в дальний угол да над кроватью... — подсказала Фрося.

— Исключено! — строго сказал Енот. — Я не какой-нибудь длинноухий или рыжий, чтобы без толку деньги тратить.

— А было бы неплохо, — предположила Фрося.

— Нет! Нет и ещё раз нет! Чтобы я после всего, что произошло, отправился в магазин за украшениями? Не бывать этому! Дрова и огурцы — вот на чём держится мир. Не любите огурцы, ладно — тогда дрова и грибы или дрова и лук-фундук, клюква-брюква. И всё. Этого достаточно.

Фрося посмотрела вопросительно.

— Ну ладно, ладно, иногда можно добавить свежую газету с кроссвордом.

— Но ведь одна крошечная гирлянда не помешает ни поленьям, ни огурцам, — возразила Фрося, — праздник же на пороге!

Так они спорили несколько дней, а потом одним ранним утром Енот отправился в город.

«Это не я, это не я!» — уговаривал он себя и старался не встретиться ни с кем взглядом.

Но в такую рань на площади вроде никого и не было.

— Вот и хорошо. Никто не увидит не-меня.

«Все глупости продаются у Ежа», — подумал Енот и как можно непринуждённое направился во «Всякую всячину».

Раньше он туда никогда не заходил, потому что один только вид наваленного на прилавок ненужного барахла и уставленных всяческими бесполезностями полок вызывал у него приступ паники. Но теперь он с тревогой подумал: «А вдруг все гирлянды уже закончились? Ведь их могли раскупить!»

Когда звякнул колокольчик на двери, из-за многочисленных коробок выглянул Ёж и с удивлением уставился на Енота.

«Это не я, не я, — продолжал твердить про себя Енот и закатил глаза. — Я дальняя родственница вашего Енота, недавно прибыла в этот город», — мысленно убеждал он себя.

А вслух пропищал нарочито тонким голосом:

— Одну гирлянду... — и, подумав, добавил: — И флажки... и мишуру.

И чтобы уж совсем не походить на себя, пискнул:

— Пожалуйста.

Вполне довольный собой, он сунул покупки в мешок и отправился домой.

Енот что-то затевает!

Эта новость стремительно облетела городскую площадь, повернула по часовой стрелке и, набирая обороты, понеслась дальше по городку.

Во «Всякой всячине» было не протолкнуться.

— Что он купил? — спрашивали все.

— Гирлянду, кажется... — неуверенно бормотал Ёж. — И что-то ещё.

— Что, что ещё?

— Не помню. — Ёж был так ошарашен утренним появлением Енота в своей лавке, что мысли его путались.

— И деньги заплатил?

— Заплатил! И ещё сказал «пожалуйста».

— Это не к добру...

— Невероятно!

— Кошмар!

Зачем Еноту гирлянда, если он на дух не переносит праздники? Что он задумал? Ещё и переоделся, чтобы его никто не узнал. Всё ясно! Он либо хочет их проучить, либо

сделать так, чтобы Новый год вообще не наступил. Все притихли и огляделись.

Среди потенциально опасных предметов, которые могли помочь Еноту в его коварных замыслах, были замечены: консервный нож, водяной пистолет, скалка, рыболовная сеть, средство от комаров, фейерверки и колышки для палатки. Он мог купить что угодно. Кто знает, что ему понадобится?

Настроение у Зайца стало беспокойное. Он заторопился домой.

Едва переступив порог, Заяц крепко запер дверь, забрался под одеяло и сказал:

— Меня нет дома.

— Я дома, — сказал Енот, занося в дом покупки.

Фрося от радости подпрыгнула и захлопала в колющие ладошки.

— Гирлянду повесим над окном, флажки натянем через комнату. Или лучше над дверью, как думаешь?

Огоньки приветливо замигали, разукрасили еловую хвою, прыгнули яркими отражениями в банку с водой.

Красный и жёлтый, синий и зелёный, красный и жёлтый, синий и зелёный — танцевали они по комнате.

— С гирляндой светло, можно лампочку не включать. А на верёвке с флажками заодно буду полотенца сушить. Не так уж глупо всё устроилось, — обрадовался Енот и подмигнул маленькой ёлке.

Радовался он пару дней. Но потом радость утрамбовалась, и её стало недостаточно. Глаза были довольны, а вот во рту могло бы быть послаще и похрустяще.

«А не испечь ли мне печенье?» — подумал Енот.

Эта крохотная мысль промелькнула всего на мгновение, но Фрося её услышала и усиленно закивала:

— На огуречном рассоле, — подсказала она.

— Точно! Был такой рецепт, — обрадовался Енот. — Это в моём вкусе!

И он первый раз в жизни замесил тесто.

Дни бежали, слетали листочками календаря один за другим. Год заканчивался. Заяц старался не попадаться Еноту на глаза — прокладывал окружные тропки, а при неожиданной встрече сливался с сугробом.

Несмотря ни на что, новогодняя радость с каждым днём закипала всё больше. В конце концов, никакой Енот не сможет испортить самое лучшее время в году. Внутри у Зайца всё трепетало в предвкушении праздника. А он сам светился не хуже ёлки. У него в доме не осталось ни одного не украшенного местечка. Аккуратно запакованные подарки грудились под ёлкой, вкуснейшие угощения — на столе, всё сверкало, блестело и было идеально! Он успел подготовить всё-всё, и теперь можно было глубоко выдохнуть, потом вдохнуть и окончательно наполниться волшебством. Пора было топить печку, чтобы встретить гостей горячим новогодним чаем.

Год заканчивался. Енот оторвал последний лист календаря. И ему вдруг снова затоскливилось. Всё у него было не хуже, чем у других. Нет, даже лучше! И ёлка, и украшения, и сладости — всё как полагается. И это всё даже пользу приносило: гирлянда из фонариков заменяла лампочку, а гирлянда из овощей потом в суп пойдёт. Всё он сделал правильно. Почему же Енот не чувствовал себя весёлым? Почему ему казалось, что чего-то не хватает?

Всё-таки он был прав. Нет в этом празднике никакого смысла! Всё зря. Всё от безделья. Всё от глупости.

Он сорвал гирлянду и бросил её на пол:

— Без этой шелухи гораздо лучше! Ерунда всё это! Подумаешь, Новый год! Просто день посреди зимы. Такой же, как вчера, такой же, как завтра. Что, теперь каждый новый

день праздновать? А я глупый, ещё и с печеньем возился! Разве оно лучше супа?

Он сердито покосился на Фросю:

— Всё ты виновата.

Фрося расколючилась и отвернулась.

Енот тоже.

На улице густо мело. Несмотря на целых три охапки дров в печи, в доме было зябко.

Вдруг до Енота донеслось тихое: «...Танцуй и улыбайся — пришла пора чудес...»

— Опять! — взревел он. — Не нужна мне ваша музыка! Не нужен мне ваш Новый год!

Енот наскоро обмотал шею шарфом и выскочил из дома.

Что творилось снаружи! Из-за снега было светло как днём, только совсем ничего не видно.

Ветер гонял снежные стаи, лихо закручивал их кольцами, завязывал узлами и уносил дальше, искусно лавируя между деревьями.

— Прогноз погоды никогда не врёт! — с удовольствием отметил Енот.

Он закутался в шарф и бросился в лес.

Песня, подхваченная ветром, завывала всё ближе: «...Мы в хороводе спрячемся-у-у-у от самых сильных вью-у-у-уг...»

На лесной поляне сквозь снежную мглу Енот увидел чей-то белый силуэт, ходивший вокруг ёлки.

Ага! Так вот кто издавал те самые ужасные звуки!

Он подошёл ближе.

— Да это же Заяц! — удивлённо воскликнул Енот. — Ничего не понимаю. Зачем было так носиться с украшениями, чтобы потом праздновать свой глупый праздник в одиночестве посреди леса?

Заяц нарядил к Новому году весь лесной городок, но у него самого, похоже, не было ни нарядной ёлки, ни гирлянд, ни украшений — ничего не было, кроме маленькой ленточки

серпантина, густой метели и трепыхавшихся на ветру озябших ушей.

Но, как ни странно, Заяц выглядел вполне счастливым. Он как ни в чём не бывало водил хоровод, распевал песни и улыбался.

Енот задумался: может быть, в этом есть какой-то тайный смысл? Но хлюпающий нос тут же подсказал ему, что искать смысл лучше в тепле и сухости.

Он продрался сквозь кусты и метель и выбежал на поляну.

Увидев Енота, Заяц замер и стал белее самого себя, присыпанного снегом. Сбылись его худшие опасения — Енот таки добрался и до него, и до Нового года!

— Я не виноват, я хотел как лучше! — залепетал Заяц и бросился прочь.

Енот ринулся за ним. Вокруг ёлки, перегоняя ветер, рассекая снег и руля хвостом то в одну сторону, то в другую.

«Не видать мне Нового года, как своего хвоста», — подумал Заяц.

«Если водить хоровод бегом, то можно согреться», — подумал Енот.

Наконец он догнал Зайца и схватил его в охапку:
— Сейчас ты мне всё объяснишь!

Через несколько минут Заяц сидел перед жарко натопленной печкой в доме Енота. Он не смел поднять головы и дрожал от страха: «Или в сарае заперёт, или в банку засолит, но в любом случае съест».

Его замёрзшие уши оттаивали и розовели, с них стекали капли воды, собираясь в маленькие лужицы.

Енот принёс половую тряпку. Потом, пока заяц не видел, вернул гирлянду на место и подвинул ёлку к центру стола.

— Ой, Фрося! — пискнул Заяц.

— Нет здесь никаких Фрось, — буркнул Енот. — Ты мне лучше скажи, в чём смысл?

— Мы просто хотели, чтобы тебе тоже было весело. Печеньем хотели угостить по-настоящему, а следами написали «С Новым годом!», — начал оправдываться Заяц.

— Да я тебя не про то спрашиваю. В чём смысл? Какой от праздника толк? Вот вы всей гурьбой веселитесь, ёлки-палки разукрашиваете. А зачем? У меня тоже ёлка есть, — сказал Енот немного смущённо, — и гирлянда горит, и тут украсил немного, и здесь тоже, и печенье испёк... Всё, как у вас. Но мне ни капельки не весело, — почти шёпотом добавил он. — А тебе, чтобы радоваться, ничего не требовалось... Кстати, что ты делал в лесу в такую непогоду?

— Я же не знал, что будет метель.

— Надо было не песенки слушать, а прогноз погоды. И вообще, зачем ты в чашу на ночь глядя пошёл?

— У меня дрова дома закончились. Ну я и отправился в лес, а там такая снежная круговерть началась, дорогу замело, и я заблудился.

— Если дрова дома закончились, нужно было в сарае взять.

— Они и в сарае закончились.

Этот факт показался Еноту совсем уж невероятным.

— А если бы я не нашёл тебя, ты бы так и ночевал в лесу? В сугробе!

— В новогоднем сугробе, — кивнул со вздохом Заяц.

— Так чему же ты радовался?

— Как же не радоваться? Сегодня же Новый год!

— Но я ведь не радуюсь! И украшения эти ваши меня не радуют. Может, потому что ёлка у меня маленькая?

— Не-е-е, — замотал головой Заяц. — Ёлка у тебя отличная! Дело вовсе не в украшениях, хотя с ними, конечно, веселее. Главное — настроение. Новый год — он ведь в сердце.

Это лучшее, что может произойти с нами посреди долгой зимы. Когда готовишься к празднику,

то тёмный декабрь проходит быстрее. Гирлянды,

блёстки, печенья, хороводы и подарки скраши-

вают серые дни и холодные вечера. После

Нового года день прибывает, и, считай,

ползимы позади. Тут уже и до весны

недалеко. Это стоит отпраздновать!

Енот задумался. В словах Зайца был смысл.

Внутри у него потеплело. Он отщипнул кусочек мишуры, свисавшей со шкафа, и с гордостью повесил его на свою маленькую ёлку.

Фрося просияла. Кажется, всё получилось!

За окном мелькало и топталось.

Енот распахнул дверь. На пороге стояли неведомые и чудные звери. Ещё вчера он бы первым делом как следует насупил брови и посоветовал странной компании топтать снег в другом месте. А сейчас растерянно подсчитывал в уме, хватит ли на всех стульев и чашек и достанется ли каждому хотя бы по одному печенью. Кажется, он не против пустить к себе не то что Барсука и компанию, но и даже этих странных незнакомцев!

— Хм... Ну что же... Проходите, обувь можете не снимать. Вместо ответа звери сняли маски.

Каково же было удивление Енота, когда он увидел перед собой Барсука, Лиса, Белку, Ежа и многих других жителей маленького лесного городка. Вид у них был хоть и праздничный, но смущённый и робкий. Они то пятились, то подталкивали друг друга вперёд.

— Э... А... — замычали звери, увидев Зайца, который как ни в чём не бывало пил чай у Енота за столом.

— Заходите, заходите.

Звери нерешительно топтались у двери:

— Мы Зайца искали, — хором сказали они. — Хотели попасть к нему на праздник.

— Сегодня же Новый год, — на всякий случай пояснил Лис, — а у Зайца темно и заперто. Мы забеспокоились и пошли его искать.

— Заходите! У меня тоже Новый год! — снова пригласил их Енот.

Звери продолжали сомневаться.

— Метель вот не звали, а она уже здесь, — вздохнул Енот, показав на снежный вихрь, залетевший вперёд всех в открытую дверь. — А вас я зову-зову, а вы не заходите...

Барсук первый шагнул в дом, а за ним и все остальные. Шагнули и сразу выдохнули и повеселели — у Енота действительно тоже был Новый год. А целый и довольный Заяц, сделав большой глоток мятного чая и сунув за щёку очередное печенье, сказал:

— Не всегда всё складывается так, как планируешь. Но стоит найти внутри себя хоть капельку хорошего настроения, и тогда всё становится хорошо.

— Мы в этом году решили устроить маскарад, — робко объяснил Еноту Барсук.

«А зачем?» — хотел было спросить Енот, но вовремя спохватился.

— Присоединишься? У тебя неплохо получается пере-
одеваться, — подмигнул Ёж.

— Иногда в этом есть смысл, — улыбнулся Енот.

В доме у Енота было ярко и жарко, хотя дров в печку он больше не подкладывал. Стол пестрел угощениями, а пол — следами мокрых лап. Вскоре и того и другого стало меньше, но веселье не прекращалось всю ночь.

— Ты молодец, Фрося! — подмигнул Заяц маленькой ёлке.

— Да что за Фрося? — удивился Енот, оглядев всю ком-
панию.

Он не возражал против ещё одного гостя. И был рад показать всем-всем, как у него здорово, даже неведомой Фросе, кем бы она ни была.

— Фрося — просто ель обыкновенная, — улыбнулся Заяц.

Следующей весной ...

Шар вправо и шар влево мах

Украши ель высокую от потолка до небес

ISBN 978-5-9268-3070-2

9 785926 830702

0+